
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.922.1:159.923.2

ВЛИЯНИЕ РОЛЕВОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСИЛИИ У ДЕВУШЕК-СТУДЕНТОК

Азарова Елена Александровна
Воронцов Дмитрий Владимирович
Бедрединава (Гриднева) Светлана Валерьевна

В статье приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление функции ролевой гендерной идентичности в формировании представления о насилии у девушек в возрасте 17–19 лет. Установки в отношении насилия и его применения в межличностном взаимодействии формируются задолго до того, как они реализуются в межличностном взаимодействии. Авторы исходят из предположения, что привычные представления о гендерной дихотомии характеристик насильственного поведения являются неадекватными для современной гендерной системы общества. Эмпирические данные получены в ходе опроса 100 респондентов в форме свободного сочинения, заполнения семантического дифференциала и опросника гендерной ролевой идентичности С. Бем.

Получены данные о том, что девушки с недифференцированным (нейтральным) типом ролевой гендерной идентичности имеют более разнообразный спектр субъективных представлений о насилии по сравнению с респондентами, ориентированными на проявление в межличностном взаимодействии дихотомических моделей гендерного поведения, относящихся к «мужскому» или «женскому» нормативному образцу. Девушки с нейтральным типом ролевой гендерной идентичности способны к распознаванию большего разнообразия форм проявления насилия, склонны к гибкому использованию и сочетанию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей с учетом складывающейся ситуации. Девушки с нормативной фемининной ролевой гендерной идентичностью в меньшей степени способны обращать внимание на неявные и скрытые формы насилия, особенно такого, которое проявляется на уровне межличностных отношений. В их представлениях насилие чаще имеет полярные формы проявления: либо как только физическое, либо исключительно психологическое. Также они чаще воспринимают в качестве насилия такие формы поведения, которые не являются

таковыми в контексте взаимодействия. С учетом этого обстоятельства можно улучшить практики профилактики, коррекции и реабилитации женщин, совершивших насильственные преступления, а также снизить уровень выраженности в обществе крайних форм проявления женского насилия.

Ключевые слова: *насилие, представление о насилии, женское насилие, семейное насилие, гендер, гендерная идентичность, гендерные роли, фемининность, гендерная дифференциация, межличностное взаимодействие.*

Введение

Проблема применения насилия со стороны женщин в последнее десятилетие оказывается в самом центре внимания ученых. В большинстве развитых стран среди женщин (особенно молодого возраста в промежутке 18–25 лет) отмечается рост показателя различных видов насильственных преступлений против личности [5, 10, 17]. Тенденции роста насильственной преступности женщин с начала 2000-х гг. отмечаются и в России [7, 15, 19]. Большинство насильственных преступлений, совершаемых женщинами, приходится на семейную сферу, тогда как мужчины лидируют по числу насильственных преступлений в публичной сфере [7, 15]. Однако мотивы мужского и женского насилия нередко оказываются одинаковыми или во многом схожими [2, 3, 9]. Ученые связывают феномен роста женского насилия с изменением содержания гендерных нормативных моделей поведения в современном обществе [12, 14, 20]. З. Эйзиковиц и Б. Бейли отмечают, что накопленные к 1990-м гг. данные демонстрируют неадекватность прежних дихотомических концепций, согласно которым женщина всегда является жертвой, а мужчина – актором насилия в межличностных отношениях [12]. Указанные авторы ссылаются на проводимые с 1970-х гг. лонгитюдные исследования фактов применения насилия в межличностных отношениях, которые показывают, что оно в большей мере детерминируется социальными и социально-психологическими факторами, а не простой принадлежностью партнеров к мужскому или женскому полу. Насилие все более понимается как интеракционный, ситуационный и взаимный феномен в системе межличностных отношений [8, 13, 16, 18]. И женское насилие – это не всегда ответная реакция на насилие со стороны мужчин. Хотя нельзя отрицать того обстоятельства, что объективно в структуре насильственных практик женщины все-таки значимо чаще выступают жертвой и реактивным (вторичным) актором, нежели инициатором и первичным актором насилия. Однако такая структура статистических данных может отражать всего лишь регистрируемые факты, а, как известно, о фактах насилия женщин над мужчинами в силу доминирующих в обществе гендерных представлений объективных данных регистрируется значительно реже.

Актуальность и цель

Факторы, усиливающие вероятность проявления людьми насилия в межличностных отношениях, лежат в широком диапазоне детерминант и механизмов и отражают интегральную биопсихосоциальную природу поведения человека. И гендерный аспект насилия играет в этом явлении ключевую роль, поскольку насилие санкционируется нормативными ожиданиями, связанными с каждым гендером, а также с неравноправными отношениями между двумя полами применительно к конкретному обществу [10, с. 14]. Несмотря на актуальность комплексного исследования феномена женского насилия, этой проблеме уделяется несоизмеримо меньше внимания, чем мужскому насилию. Целью нашего исследования стало выявление того, как ориентация молодых женщин юношеского возраста на определенную гендерную модель поведения (ролевая гендерная идентичность) отражается в содержании их представлений о насилии. Социально-психологический анализ гендерного аспекта субъективных представлений видится нам перспективным в том отношении, что установки, касающиеся насилия и его применения во взаимодействии с другими людьми, формируются задолго до того, как они реализуются в межличностном взаимодействии.

В психологической литературе, несмотря на разработку и определение понятия насилия в рамках этико-гуманистического и эволюционно-генетического подходов, субъективный аспект женского насилия мало изучен. Внимание исследователей практически не обращено на внутренний мир человека, на его представления об этом явлении. Эмпирические факты, касающиеся проявлений насилия в поведении мужчин и женщин, демонстрируют, что когда речь идет не о физическом, а о психологическом насилии, то гендерные различия существенным образом стираются [3, 8, 11, 15, 18, 20]. Кроме того, выделяется особая форма «микронасилия», включенная в рутинные практики межличностных отношений, но которая зачастую не выделяется и не интерпретируется партнерами в качестве насилия [11]. В представлениях людей нередко смешиваются такие различные феномены, как объективные поведенческие паттерны насилия, восприятие (оценка) поведенческих паттернов в качестве проявлений насилия и виктимизация (оценка «правильности» совершения насильственных действий над другими или над собой).

Имеющиеся на сегодняшний день эмпирические факты позволяют утверждать, что содержание представлений о насилии в большей мере связано с социально-психологическими, нежели социальными факторами: эмоциональным фоном межличностных отношений и духовно-нравственным климатом в семье, семейным укладом и образом жизни родителей [1]. Однако эти социально-психологические компоненты структуры личности в процессе формирования представлений о насилии не могут не взаимодействовать

с содержанием гендерной идентичности личности, которая на социально-психологическом уровне как раз и существует в виде ценностных ориентаций и проявляется в виде направленности в общении, выделении набора значимых личностных качеств и поведенческих характеристик [6].

Методы

Для определения того, как проявляется тип гендерной идентичности женщин в содержании их представлений о насилии, был проведен опрос группы девушек в возрасте 17–19 лет. Выборку составили 100 студенток Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия), получающих высшее образование по направлениям: лингвистика и словесность, физика и математика, психология и педагогика. Выбор респондентов, обучающихся по разным профилям профессионального обучения, позволил нам минимизировать возможное влияние фактора профессиональной специализации и сфокусироваться на содержании ролевого аспекта гендерной идентичности.

В качестве методического инструментария были выбраны следующие методики: свободное мини-сочинение «Что такое насилие?», позволяющее выявить содержание представлений девушек; семантический дифференциал, шкала которого была построена на основе сочинения; методика С. Бем для выявления ролевого аспекта гендерной идентичности. Предварительно мы также диагностировали наличие или отсутствие в личном опыте респондентов выборки двух факторов: а) переживание опыта жертвы насилия любого рода и б) применение самими респондентами насилия для удовлетворения различных потребностей в межличностных отношениях. Для этого участникам исследования было задано два вопроса: 1) имели ли вы опыт применения насилия по отношению к себе другими людьми в любых проявлениях; 2) использовали ли вы насилие по отношению к кому-либо при решении конфликта или с целью снижения силы проявления каких-либо негативных переживаний?

Результаты

Распределение респондентов выборки по двум вышеуказанным параметрам личного опыта насилия представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, значимое (на уровне $p < 0,01$) количество респондентов выборки имеют опыт как жертв насилия, так и применения насилия. Причем количество респондентов, имеющих опыт применения насилия, существенным образом превышает количество респондентов, имеющих опыт жертв насилия. Этот факт свидетельствует в пользу того, что применение насилия скорее отражает отношение респондентов к насилию как некоему средству, которое обеспечивает функционирование личности

в определенных условиях. Использование ими насилия отнюдь не часто имеет реактивную природу в ответ на насилие со стороны других людей.

Таблица 1.

Структура выборки по наличию у респондентов опыта жертвы насилия и применения насилия в межличностном взаимодействии

<i>Опыт насилия</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Критерий Фишера</i> $\frac{\varphi_{\text{эмп}}}{\varphi_{\text{крит}}} = 2,28$
Имеется ли опыт жертвы насилия?	74	26	7,08
Имеется ли опыт применения насилия к кому-либо?	88	12	12,21

С помощью контент-анализа мини-сочинений «Что такое насилие?» мы выявили характер и частоту употребляемых респондентами определений феномена насилия. Полученный корпус определений позволил выделить три группы таких определений, которые в свою очередь также разделились по частоте встречаемости. На первом месте оказалась группа определений насилия, в которых преобладает психологический аспект явления: доминирование, крик, оскорбления, публичное унижение ($K = 0,40$), умаление личного достоинства ($K = 0,24$), удовольствие от беззащитности жертвы ($K = 0,23$). Второе место заняла группа определений, в которых акцентируется физический аспект насилия: побои, причинение телесной боли, физическое ограничение возможности действия, физическое насилие/принуждение к действию ($K = 0,20$). При этом душевные страдания жертвы рассматриваются в качестве побочного и дополнительного эффекта использования физической силы в качестве средства подавления воли жертвы ($K = 0,14$). Третье место заняла группа таких определений насилия, в которых физический и психологический аспекты выражены в относительно одинаковых пропорциях (средний удельный вес определений по каждому аспекту колебался в диапазоне $K = 0,10 - 0,20$). В последней группе определений мы обнаружили факты включения в содержательные определения насилия личностных характеристик насильника, наиболее часто ($K = 0,20$) отмечалась зависимость личности насильника от употребления различных психоактивных веществ – алкоголя, психостимуляторов, наркотических средств и т. п. При этом важной характеристикой представлений о насилии такого рода выступало наличие объективных тесных связей с личностью насильника, включая вынужденное проживание с ним/ней на одной территории. Это позволило нам охарактеризовать такой вид представлений как насилие (давление), связанное с нахождением в объективно сложившейся ситуации межличностного взаимодействия, на которую респонденты не имеют возможности влиять.

В сочинениях респондентов мы обнаружили резкое неприятие проявлений психологического насилия. Встречались утверждения, что «лучше бы меня ударили, чем накричали, унизили или иным способом задели мою личность». С другой стороны, обнаруживалась чрезмерная чувствительность к любым спонтанным проявлениям физической силы со стороны партнеров по межличностному взаимодействию, когда любой шлепок, осуществленный даже в шуточной ситуации, расценивался некоторыми респондентами в качестве проявления насилия. В таких сочинениях не принимался в расчет контекст ситуации взаимодействия, а само насилие понималось как формальное наличие ряда статичных поведенческих признаков.

Затем мы сопоставили выделенные группы представлений респондентов о насилии с типом их ролевой гендерной идентичности и получили следующее распределение данных по удельным весам (таблица 2).

Таблица 2.

Удельный вес групп содержательных дефиниций насилия у респондентов с разными типами ролевой гендерной идентичности (в процентах)

<i>Тип ролевой гендерной идентичности респондентов</i>	<i>Преобладание психологического аспекта насилия</i>	<i>Преобладание физического аспекта насилия</i>	<i>Смешанные дефиниции насилия</i>
Фемининный	15	0	3
Маскулинный	2	18	0
Недифференцированный (респонденты, предпочитающие гендерно нейтральные роли)	10	30	22

Согласно теории гендерных линз С. Бем, ключевым различием типов гендерной идентичности на уровне ролевых моделей поведения выступает уровень конформизма по отношению к гендерно маркированным моделям поведения, закрепленным в конкретной культуре [4]. Поэтому наряду с людьми, предпочитающими реализацию гендерно типичных (полярно дифференцированных) моделей поведения, нужно обращать внимание на такой тип людей, которые на основе неконформных представлений о гендере собственной личности могут отдавать предпочтение гендерно нейтральным (недифференцированным с точки зрения доминирующей культуры) моделям поведения. Как видно из таблицы 2, девушки с недифференцированным (нейтральным) типом ролевой гендерной идентичности имеют наиболее разнообразный спектр представлений о насилии по сравнению с респондентами, разделяющими доминирующие в культуре дихотомические модели

гендерного поведения. При этом мы также наблюдаем у них неравномерное распределение групп дефиниций: понимание ими насилия смещено в сторону преобладания физического аспекта и комбинированного (смешанного) содержания феномена насилия. Именно такой тип девушек обладает наиболее развернутыми по содержанию представлениями о насилии.

Последующий дополнительный анализ сочинений выявил то обстоятельство, что девушки с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности не только видят в своем жизненном опыте более разнообразные проявления насилия, но они также склонны к гибкому использованию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей с учетом складывающейся ситуации. Тогда как у респондентов, предпочитающих дихотомические ролевые модели поведения, которые маркируются окружающими в качестве «истинно» фемининных или маскулинных, отмечается выраженная поляризация в склонности акцентировать внимание преимущественно либо на психологическом давлении, либо на физическом насилии. Попарная проверка значимости распределения удельных весов психологического и физического аспектов насилия и смешанных определений с помощью критерия Фишера показала, что в группе девушек с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности распределение удельных долей психологических аспектов в определениях насилия значимо не отличается от распределения в группе девушек с фемининной ролевой гендерной идентичностью ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,074$ при $\varphi_{\text{крит}} = 1,64$, $p > 0,05$), а распределение удельных долей физических аспектов насилия в группах девушек с недифференцированной и маскулинной ролевой гендерной идентичностью находится в зоне неопределенности ($\varphi_{\text{эмп}} = 2,001$ при $\varphi_{\text{крит}} = 1,64/2,28$).

С точки зрения теории гендерных линз, полученные данные показывают то, что в зависимости от того, какой вид насилия применяется в межличностном взаимодействии девушками с гендерно типизированной ролевой моделью, у самих девушек и их окружения складывается оценка их личности и поведения как «правильного» (т. е. «типично» женского) или «неправильного». Причем в последнем случае «неправильность», нетипичность «женского» понимания насилия как преимущественно проявления силового, физического воздействия связана с восприятием девушками «мачистского» стиля поведения в качестве эталонного, ценностно значимого и предпочтительного, а также, судя по содержанию их сочинений, позволяющего добиться равного отношения к себе в обществе, для которого «мачистский» стиль поведения является одобряемым и предпочитаемым. Этот вывод находит косвенное подтверждение в том факте, что девушки с фемининным типом ролевой гендерной идентичности в подавляющем большинстве не соотносят с представлениями о себе иные формы насилия помимо психологического.

А чисто физический компонент насилия без сочетания с его психологическим аспектом вообще оказался вне содержательного поля представлений. По-видимому, исключительно физическое принуждение партнера имеет для них иное значение и выходит за пределы понятия феномена насилия, что требует дополнительного уточнения в последующих исследованиях.

По результатам контент-анализа сочинений мы создали семантические поля терминов, которыми девушки описывают насилие, и выбрали к этим терминам антонимы, в результате чего была составлена шкала семантического дифференциала, которая использовалась нами только для определения выраженности знака имплицитной эмоциональной оценки описываемого респондентами феномена насилия. Ниже приведены пары антонимов сформированного семантического дифференциала (слева приведены слова, наиболее часто используемые респондентами в сочинениях):

необычный – обычный
вопиющий – привычный
громкий – тихий
раздражительный – спокойный
подчиняющий волю – свободный
оскорбительный – похвальный

унижающий – поддерживающий
доминирующий – паритетный
жесткий – мягкий
разрушительный – созидающий
ненормальный – нормальный
негативный – позитивный

Респонденты также характеризуются высокой энергичностью (0,796) и оптимистичностью (0,744). Таким образом, респонденты данной группы стремятся проявить свои возможности, опыт, знания, умения и способности для улучшения отношений в коллективе, помощи другим людям. Для своего позиционирования, воплощения идей и реализации собственного потенциала они могут использовать широкий набор средств, в том числе неординарных, нестандартных (если они уверены в результате); если же есть сомнения в результативности деятельности, то они предпочтут стабильность в привычках, отношениях, увлечениях, выполнении учебных заданий и др. Респонденты стремятся изменить мир вокруг себя в лучшую сторону, готовы пожертвовать собственными интересами ради близких людей. Они упорны, целенаправленны и устремлены, инициативны и настойчивы в достижении цели, легки на подъем, не склонны сдаваться перед трудностями, с удовольствием пробуют себя в различных сферах жизнедеятельности.

В созданном семантическом дифференциале использовалась стандартная оценочная шкала от -3 до +3, которая затем была трансформирована в 7-балльную шкалу Лайкерта. Полученные оценки распределились в группах девушек с разными типами ролевой гендерной идентичности в пределах низкого и среднего уровней. Это позволяет утверждать, что ни один тип

девушек не оценивает насилие безусловно положительно, несмотря на его применение респондентами в практике межличностных взаимодействий. Резко отрицательные оценки (соответствующие низкому уровню балльных оценок по шкале Лайкерта) наблюдаются преимущественно у девушек с фемининным типом ролевой гендерной идентичности. Сбалансированные (умеренно положительные) оценки применения насилия в практике межличностных отношений преимущественно встречаются у девушек с маскулинным типом ролевой гендерной идентичности. Эмоциональные оценки насилия в группе девушек с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности имеют смещение в сторону отрицательного полюса, занимая промежуточное положение между гендерно типичными группами девушек.

Обнаруженная у 17–19-летних девушек специфика представлений о насилии, связанная с содержанием ролевой гендерной идентичности, позволяет дифференцировать стратегии психологического воздействия на делинквентное поведение женщин, связанное с применением ими различных форм насилия. Полученные данные позволяют конкретизировать психологическое содержание работы по снижению уровня женского насилия в обществе и могут быть использованы в профилактической, коррекционной и реабилитационной работе с женщинами. Выявленная зависимость представлений девушек о насилии от содержания ролевой гендерной идентичности позволяет модифицировать психолого-педагогическую и воспитательную работу с подростками, приведя ее в соответствие с изменившимися реалиями гендерной системы общества.

Выявленная связь представлений о насилии с содержанием ролевой гендерной идентичности проливает свет на психологические механизмы того, почему микронасилие, возникающее в практиках межличностных отношений, некоторыми женщинами не выделяется и не рассматривается в качестве проявлений насилия, а отдельные поведенческие проявления, которые в определенном контексте отношений трудно отнести к насилию, некоторыми женщинами оцениваются как таковое.

Выводы

Полученные данные указывают на то, что в условиях снижения уровня выраженности гендерной поляризации у девушек складывается более широкий спектр представлений о насилии по сравнению с той социальной ситуацией, при которой доминируют дихотомические гендерные модели поведения. Уменьшение гендерной дифференциации делает девушек не только более чувствительными к проявлению различных форм насилия и повышает социально-перцептивные способности по их распознаванию в практиках межличностных отношений. Но и способствует более гибкому

использованию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей. А это, в свою очередь, может повлиять хотя бы на снижение уровня выраженности в обществе крайних форм проявления женского насилия. Представляется целесообразным развивать практику психологических тренингов, ориентированных на формирование у девушек эгалитарной гендерной идеологии в сочетании с развитием критического отношения к мачистской идеологии и гегемонной маскулинности. С другой стороны, следует более критично оценивать влияние тренингов по развитию нормативной женственности на психологическое благополучие женщин с учетом выявленных особенностей восприятия ими характера межличностных отношений через призму ролевой гендерной идентичности.

В свете полученных данных можно сделать вывод, что одним из эффективных средств по предупреждению и коррекции женского насилия может быть общая стратегия на снижение общественной ценности мачизма и гегемонной маскулинности. С учетом выявленного факта о том, что в представлениях о насилии у девушек с фемининной ролевой гендерной идентичностью физический компонент оказывается вынесенным за пределы семантического поля рассматриваемого явления, представляется целесообразным обратить внимание исследователей и практикующих психологов, особенно работающих в сфере ювенальной юстиции и в учреждениях системы исполнения наказания, на то, каким образом в системе полярных конструктов маскулинности и фемининности женщины интерпретируют физические компоненты насилия, реализуемые ими самими в практиках межличностных отношений.

Литература

1. *Азарова Е. А.* Православное семейное воспитание против насилия над детьми в семье. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2004. – 160 с.
2. *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес-Пенаты, 2000. – 454 с.
3. *Бедрединова С. В., Тащёва А. И.* Представления о супружеском насилии в родительских и собственных семьях // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. А. Ю. Маленова. – Омск, 2015. – С. 133–138.
4. *Бем С. Л.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
5. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. – СПб.: Питер, 2004. – 496 с.

6. *Воронцов Д. В.* Гегемонная маскулинность и механизмы отношений доминирования в межгрупповом общении как социально-психологические детерминанты феномена терроризма в России // *Российский психологический журнал*. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 41–46.
7. *Лысова А. В.* Женская агрессия и насилие в семье // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 167–176.
8. *Шкурко Т. А.* Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
9. *Ben-David S.* The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains // *Journal of Family Violence*. – 1993. – V. 8. – Issue 4. – pp. 345–359.
10. *Bloom S.* Violence against Women and Girls. A Compendium of Monitoring and Evaluation Indicators. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina; MEASURE Evaluation, 2008. – 250 p.
11. *Cocoradă E.* Gender differences in the micro-violence connected to the assessment process // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – V. 33. – pp. 183–187.
12. *Eisikovits Z., Bailey B.* From dichotomy to continua: Towards a transformation of gender roles and intervention goals in partner violence // *Aggression and Violent Behavior*. – 2011. – V. 16. – pp. 340–346.
13. *Ermakov P., Fedotova O.* Characteristics of Aggression Reflection in the Psychological Educational Books of the “Graphic Guide” Type // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – V. 214. – pp. 876–881.
14. *Fedotova O., Latun V., Vlasova T.* Illustration in the In-flight Magazines of the European Airlines: Expansion of the Outlook or Aggressive Advertising? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – V. 214. – pp. 871–875.
15. *Gridneva S., Tashcheva A.* Patterns of Adolescent Coping with Domestic Violence // *International Journal of Psychology*. – 2012. – V. 47. – Issue Supplement S1. – P. 386.
16. *Labunskaya V. A.* Representations about Friend and Enemy at Different Life-span Stages // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – V. 86. – pp. 256–261.
17. *Ranney M. L., Mello M. J.* A comparison of female and male adolescent victims of violence seen in the emergency department // *The Journal of Emergency Medicine*. – 2011. – V. 41. – no. 6. – pp. 701–706.
18. *Ryumshina L., Belousova A.* Attitude of Psychological Faculty Students to Aggression and Violence in Various Spheres of Human Activity // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings. – Book 1. – V. 2. – pp. 73–80. doi:10.5593/SGEMSOCIAL2015/B12/S3.009

19. *Shkurko T., Pishchik V., Breus E.* Controlling Personality in Modern Russian Society // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings, Aug 26 – Sept 01; Book 1. – V. 1. – pp. 47–54. doi:10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S1.007
20. *Vorontsov D., Stefanile C., Antonelli P.* Gendered Characteristics of HIV Risk Sexual Behaviour Models in Freshman Students // *Psychology & Health*. – 2010. – V. 25. – pp. 365–366.